

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
Темнота

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176243

Антон Павлович Чехов

Темнота

Молодой парень, белобрысый и скуластый, в рваном тулупчике и в больших черных валенках, выждал, когда земский доктор, кончив приемку, возвращался из больницы к себе на квартиру, и подошел к нему несмело.

– К вашей милости, – сказал он.

– Что тебе?

Парень ладонью провел себе по носу снизу вверх, поглядел на небо и потом уже ответил:

– К вашей милости... Тут у тебя, вашескоблородие, в арестантской палате мой брат Васька, кузнец из Варварина...

– Да, так что же?

– Я, стало быть, Васькин брат... У отца нас двое: он – Васька, да я – Кирила. Акроме нас три сестры, а Васька женатый, и ребятёнок есть... Народу много, а работать некому... В кузнице, почитай, уже два года огня не раздували. Сам я на ситцевой фабрике, кузнечить не умею, а отец какой работник? Не токмо, скажем, работать, путем есть не может, ложку мимо рта несет.

– Что же тебе от меня нужно?

– Сделай милость, отпусти Ваську!

Доктор удивленно поглядел на Кирилу и, ни слова не сказавши, пошел дальше. Парень забежал вперед и бухнул ему

В ноги.

– Доктор, господин хороший! – взмолился он, моргая глазами и опять проводя ладонью по носу. – Яви божескую милость, отпусти ты Ваську домой! Заставь вечно бога молить! Ваше благородие, отпусти! С голоду все дохнут! Мать день-деньской ревет, Васькина баба ревет... просто смерть! На свет белый не глядел бы! Сделай милость, отпусти его, господин хороший!

– Да ты глуп или с ума сошел? – спросил доктор, глядя на него сердито. – Как же я могу его отпустить? Ведь он арестант!

Кирила заплакал.

– Отпусти!

– Тьфу, чудак! Какое же я имею право? Тюремщик я, что ли? Привели его ко мне в больницу лечиться, я лечу, а отпускать его я имею такое же право, как тебя засадить в тюрьму. Глупая голова!

– Да ведь его задаром посадили! Покуда до суда он, почитай, год в остроге сидел, а теперь, спрашивается, за что сидит? Добро бы, убивал, скажем, или коней крал, а то так попал, здорово живешь.

– Верно, но я-то тут при чем?

– Посадили мужика и сами не знают, за что. Был он выпивши, ваше благородие, ничего не помнил и даже отца по уху урезал, щеку себе напорол на сук спьяна-то, а двое наших ребят – захотелось им, видишь, турецкого табаку – ста-

ли ему говорить, чтобы он с ними ночью в армяшкину лавку забрался, за табаком. Он спьяна-то послушался, дурак. Сломали они это, знаешь, замок, забрались и давай чертить. Всё разворочали, стекла побили, муку рассыпали. Пьяные – одно слово! Ну, сейчас урядник... то да сё, к следователю. Год цельный в остроге сидели, а неделю назад, в среду, судили всех трех, в городе. Солдат сзади с ружьем... присягал народ. Васька-то всех меньше виноват, а господа так рассудили, что он первый коновод. Обоих ребят в острог, а Ваську в арестантскую роту на три года. А за что? Рассуди по-божецки!

– Опять-таки я тут ни при чем. Ступай к начальству.

– Я уже был у начальства! Ходил в суд, хотел прошение подать, они и прошения не взяли. Был я и у станового, и у следователя был, и всякий говорит: «Не мое дело!» Чье же дело? А в больнице тут старшей тебя нет. Что хочешь, ваше благородие, то и делаешь.

– Дурак ты! – вздохнул доктор. – Раз присяжные обвинили, то уж тут не может ничего поделывать ни губернатор, ни даже министр, а не то что становой. Напрасно хлопчешь!

– А судил-то кто?

– Господа присяжные заседатели...

– Какие же это господа? Наши же мужики были! Андрей Гурьев был, Алешка Хук был.

– Ну, мне холодно с тобой разговаривать...

Доктор махнул рукой и быстро пошел к своей двери. Ки-

рила хотел было пойти за ним, но, увидев, как хлопнула дверь, остановился. Минут десять стоял он неподвижно среди больничного двора и, не надевая шапки, глядел на докторскую квартиру, потом глубоко вздохнул, медленно почесался и пошел к воротам.

– К кому же идти? – бормотал он, выходя на дорогу. – Один говорит – не мое дело, другой говорит – не мое дело. Чье же дело? Нет, верно, пока не подмажешь, ничего не поделаешь. Доктор-то говорит, а сам всё время на кулак мне глядит: не дам ли синенькую? Ну, брат, я и до губернатора дойду.

Переминаясь с ноги на ногу, то и дело оглядываясь без всякой надобности, он лениво плелся по дороге и, по-видимому, раздумывал, куда идти... Было не холодно, и снег слабо поскрипывал у него под ногами. Перед ним, не дальше как в полуверсте, расстился на холме уездный городишко, в котором недавно судили его брата. Направо темнел острог с красной крышей и с будками по углам, налево была большая городская роща, теперь покрытая инеем. Было тихо, только какой-то старик в бабьей кацавейке и в громадном картузе шел впереди, кашлял и покрикивал на корову, которую гнал к городу.

– Дед, здорово! – проговорил Кирила, поравнявшись со стариком.

– Здорово...

– Продавать гонишь?

– Нет, так... – лениво ответил старик.

– Мещанин, что ли?

Разговорились. Кирила рассказал, зачем он был в больнице и о чем говорил с доктором.

– Оно, конечно, доктор этих делов не знает, – говорил ему старик, когда оба они вошли в город. – Он хоть и барин, но обучен лечить всякими средствами, а чтоб совет настоящий тебе дать или, скажем, протокол написать – он этого не может. На то особое начальство есть. У мирового и станового ты был. Эти тоже в твоём деле не способны.

– Куда ж идти?

– По вашим крестьянским делам самый главный и к этому приставлен непрременный член. К нему и иди. Господин Синеоков.

– Это что в Золотове?

– Ну да, в Золотове. Он у вас главный. Ежели что по вашим делам касающее, то супротив него даже исправник не имеет полного права.

– Далече, брат, идти!.. Чай, верст пятнадцать, а то и больше.

– Кому надобность, тот и сто верст пройдет.

– Оно так... Прощение ему подать, что ли?

– Там узнаешь. Коли прощение, писарь тебе живо напишет. У непрременного члена есть писарь.

Расставшись с дедом, Кирила постоял среди площади, подумал и пошел назад из города. Он решил сходить в Золо-

ТОВО.

Дней через пять, возвращаясь после приемки больных к себе на квартиру, доктор опять увидел у себя на дворе Кирилу. На этот раз парень был не один, а с каким-то тощим, очень бледным стариком, который, не переставая, кивал головой, как маятником, и шамкал губами.

– Ваше благородие, я опять к твоей милости! – начал Кирила. – Вот с отцом пришел, сделай милость, отпусти Ваську! Непременный член разговаривать не стал. Говорит: «Пошел вон!»

– Ваше высокородие, – зашипел горлом старик, поднимая дрожащие брови, – будьте милостивы! Мы люди бедные, благодарить не можем вашу честь, но, ежели угодно вашей милости, Кирюшка или Васька отработать могут. Пущай работают.

– Отработаем! – сказал Кирила и поднял руку, точно желая принести клятву. – Отпусти! С голодудохнут! Ревма режут, ваше благородие!

Парень быстро взглянул на отца, дернул его за рукав, и оба они, как по команде, повалились доктору в ноги. Тот махнул рукой и, не оглядываясь, быстро пошел к своей двери.